

C.1.

Фильетонъ „Одес. Новостей“.
25-го января 1900 года

Литературные очерки.

Забавны и нутренно серьезны вещицы.
(Антонъ Чеховъ. Русскими. Изданіе
А. Ф. Маркса. Спб.).

Юному читателю или человеку, совершенно незнакому съ произведеніями г. Чехова, мы никогда не рекомендовали бы начать съ этого сборника рассказовъ. И не потому, что боялись бы дурного воздѣйствія ихъ на перваго или должныхъ толкованій, неслыханныхъ для автора со стороны второго, а только изъ одного соображенія, что и тотъ, и другой могутъ не угадать въ нихъ автора „Человѣка въ футлярѣ“, „Крыжовника“ и др. его вѣдѣйшихъ произведеній до такой степени своеобразна, необычна и удивительна форма этихъ веселыхъ и забавныхъ миниатюръ. Это материалъ не изъ по нѣскольку, перѣдко по дѣи и 1½ страницы, блестящія и искрожающія веселыми, парадоксальными, юморомъ, возбуждающими веселый, неподдающийся смѣхъ. Содержаніе ихъ построено на комическихъ, прямо-таки смѣхотворныхъ положеніяхъ съ чрезвычайными, неожиданными развѣсками, курьезными приключеніями героев и ихъ нелѣпыми похождениями. Равнообразіе и смѣломъ оригинальностью ихъ тѣмъ болѣе поразительно, что изъ 70 „вещицъ“, помѣщенныхъ въ этомъ небольшомъ, сравнительно, сборникѣ, вы не найдете и двухъ очень похожихъ между собой. В каждую изъ нихъ, разъ вы прочитали со вниманіемъ, вы всегда живо припоминаете, закрывъ глаза, со всѣми подробностями изображенія въ ней лицъ, положеній и проч. Чертовачная страница, вы читаете долго и почти безпрерывно, — вы улыбаетесь, всматриваясь въ вымышленныя скользящія въ памяти образы, засмѣетесь и завтра, когда неожиданно всплыветъ въ сознаніи прочитанная сцена, фигура и т. п. И тогда, наконецъ, закроете послѣднюю

страницу, вѣсть внезапно поразитъ мысль, что вы освѣтили свой житейскій опытъ новымъ лучемъ познанія и обогатили его цѣлой коллекціей типовъ и образовъ, вѣсть новыхъ или даже мало знакомыхъ. Тутъ вы, можетъ быть, задумаетесь и начнете разбираться въ своихъ впечатлѣніяхъ. Окажется, что въ этихъ веселыхъ „штучкахъ“ очень много веселаго. Гнетущее, подкатывающееся къ сердцу, чувство, которое подавлялось во время чтенія набыткомъ смѣха и ирриности, вступаетъ въ свои права и вызываетъ напоруху съ неудержимой силой. Забавные анекдоты получаютъ глубокий драматическій смыслъ: тутъ вся жизнь передъ вами, — потѣшная и ужасная, смѣшная въ мелочахъ и страшная въ цѣломъ, страшная тѣни опустошенія, которыя она совершаетъ въ душахъ людскихъ. Передъ вами оторошь беретъ, жутко становится, за человѣка страшно дѣлается...

Анекдоты анекдотамъ рознь. Анекдоты бываютъ нравоучительные — а просто забавные, веселые анекдоты, ничего нравоучительнаго не заключающіе. Рассказать ихъ можно также разное, очень интересно — и незаметно. Но какой нужно имѣть таланты, чтобы анекдотъ обратить въ страницу живой жизни, въ громкій голосъ ея недуговъ, въ жалобный вопль ея болячекъ, въ смѣхъ и плачь, веселье и смятеніе; чтобы, развлекая вѣсь смѣхотворнымъ рассказомъ, заставить страдать и волноваться, плакать и смѣяться; чтобы шуткой и забавой будить жалость и состраданіе къ человѣку, кинутному жизнью и обращенному въ пустыню забытыми его мелочами и пустяками. Для этого нужны, поистинѣ, чеховскій талантъ, и мы затруднились, съ кѣмъ можно его сравнить въ современной литературѣ (къ сожалѣнію, мы не совѣтъ знакомы съ произведеніями Джерома-Джерома, но, судя потому, что намъ попадались въ текущей прессѣ, они совершенно блѣднѣютъ передъ чудными миниатюрами г. Чехова, какъ во остроуміи и богатству юмора, такъ и во изяществу и красотѣ изложенія).

Не будемъ останавливаться тутъ на тѣхъ роковыхъ обстоятельствахъ, во-

с. 1.

тория вынуждала столь крупное дарование проявляться в такой необычной и, пошлостному, неблагоприятной форме. Жалеть об этом не приходится уже по той причине, что тысячи читателей „Будильника“ (из всей печаталась большинство „рассказов“) имели редкий случай в зажиточной и „увеселительной“ чтении находить полезное и поучительное чтение, а им теперь лишь так же редкое удовольствие наслаждаться художественными красотами, разсыпанными великим бесером на мелких и тонких узорах неисчерпаемой фантазии. Со литературной точки зрения не приходится жалеть об этом еще и потому, что высшей полет таланта не дал ему, что называется, развиться ни мелкую монету, копилку и вульгаризироваться. Прочтите эти 70 анекдотов, и вы не найдете среди них ни одного скверного анекдота, ни дурного тона, ни одной пошлости, ни грубого намека, возбуждающего дурные инстинкты. И это в сборнике рассказов, предназначенных для веселых читателей и рассчитанных на запросы публики, развлекающейся карикатурами! Это не значит, конечно, что они не изобилуют игривыми сценами, забавными интригами, похождениями, изысками и проч., — английской пуритан и лицензия чопорность были бы очень шокированы ими, — но все это только канва, на которой вычурно расшиты картины потрясающих житейских драм и сложных душевных коллизий, прикрытых в обиході нередко мелочной борьбой мелких интересов. Скука и пустота жизни, ее грубая проза с слякотными мушками и мелочами, подмалывающим сознание и волю, вытраваивающим живую душу и активное желание; отсутствие высших интересов и возвышающих идеалов, безпринципность и жестокий индифферентизм окружающих, вечная борьба за кусок хлеба и изнуряющий труд, грубость нравов и безпросветное невежество, в результате узкой и малой жизни, душевная неуравновешенность, тоска, уныние, мучение, куда деть себя, и растерянность на-

длежащих точек зрения — вот основной фон этих картин. Чтение то безотрадным и безнадежным, скорбным и тяжелым обдавать вась брызги искривающегося юмора, который пишется эти рассказы.

Как же видеть читатель анекдоты эти совсем необыкновенные, и такими определением мы отнюдь не хотим умалять значения их. Во всем их многообразии не найдете ни одного, который явился бы простой безобидной шуткой, рассказанной ради потеха публики, с единственной целью во-смешить и повеселить вась. Каждый из них, при всей незамысловатости фабулы и смехотворности сюжета, представляет яркую бытовую картинку, нередко глубокую сатиру на наши порядки, неосмысленность и грубость наших семейственных, общественных и проч. отношений. И при всем этом, мы уверены, что многие из этих рассказов не достигают своей цели или, вернее, не достигают должной цели, давая только эстетическое наслаждение и волнуя читателя больше приятными впечатлениями, чем драгоценными отблесками, которыми неминуемо окрашены веселые разговоры и происшествия рассказа. Возможно, что некоторые из них пройдут незамеченными в смысле общественного воздействия. В этом повинна их анекдотическая форма и та бездна юмора, в которой иногда тонет горечь событий и назидательность рассказа. Такова участь многих лучших юмористических и сатирических произведений.

Впрочем, возможно, что читатель и в крайних случаях сумеет разобраться в шутках и отличить шуточное от серьезного. Вот, напр., рассказ на двух неполных страницах „Жалобная книга“, представляющий список пожеланий, диких и безразличных фраз, записанных в жалобную станционную книгу, начинаясь „Милостивый государь! Проба пера?“ В этой книге утратились все, кому не гоним. Есть тут и выписка „за начальника станции Иванов 7-й“, а к ней прибавка „хоть ты и седой, а дурак“. Уже чего анекдотичнее, а между тем, это была напо-

С. 1.

рама нашей некультурности, неуважения чужой личности и чужих интересов, разнузданности и недисциплинированности, разъ только они могут пройти безнаказанно. Или вотъ, рассказъ „Аптекарьша“, въ которомъ изображена скучающая аптекарша, за которой ухаживаютъ тоже отъ скуки два офицера. — въ немъ цѣлая картина глухой провинціальной жизни, тоскливой, томительно скучной, удручающей своимъ одобразіемъ и монотонностью, убивающей всякіе проблески мысли, сознанія и какой-либо живой дѣятельности. Не удивительно, что на этомъ фонѣ процвѣтаетъ уродливая фигура аптекаря и его семейное болото. Въ этомъ смыслѣ еще характернѣе и ярче рассказъ „Мужъ“, гдѣ описанъ эффектъ появленія въ городишкѣ N—скаго кавалерійскаго полка. Оживленіе этихъ очумѣвшихъ отъ сонной одури людей и семейная драма, разгравшаяся на почвѣ тираническихъ правъ „мужа“, представлены тутъ въ высоко художественной формѣ. Къ той-же категоріи рассказовъ относится „Страшная ночь“ (компанія спиритовъ, послѣ сѣанса находящихъ у себя дома, въ единчайшему ужасу своему, совершенно готовые гробы, призываемые, какъ оказалось потомъ, на храненіе пригласенъ, зитомъ гробовщика, которому угрожала аукціонная распродажа за долги), рассказы „Въ потемкахъ“, „Счастливычскъ“, „Дорогая собачка“, „Нервы“ и др.

Въ рассказахъ г. Чехова сплошь и рядомъ затрагиваются ненормальныя явленія семейной и общественной жизни, а мимоходомъ и положеніе дѣтей въ семьѣ и школѣ, плоды и послѣдствія ихъ уродливаго воспитанія. Но въ сборникѣ есть нѣсколько рассказовъ, специально трактующихъ эту наиболѣе важную тему, напримѣръ, „Случай съ классикомъ“, „Мальчики“ и „Лишніе люди“. „Случай съ классикомъ“, блѣднымъ изможденнымъ мальчикомъ, никакъ не осиливающимъ классической мудрости, котораго съкутъ любящіе родители ради его же блага, производятъ прямо-таки удручающее впечатлѣніе, несмотря на умиротворительность оценокъ съ манашей, у которой „силъ нѣтъ“ выпоротъ мальчи-

ка и которая потому обращается за помощью къ своему квартирному.

Мы уже отмѣтили выше, что настоящіе рассказы г. Чехова являются очень яркими и краснорѣчивыми бытовыми очерками. Кромѣ уже упомянутыхъ, почти всѣ остальные могутъ быть распределены по тремъ большимъ категоріямъ: рассказы изъ народнаго быта, изъ жизни некакого городского люда и, наконецъ, изъ жизни высшихъ сословій, преимущественно, чиновничьяго. Къ первой группѣ, строго говоря, относятся только два рассказа „Скорая помощь“ и „Тениста“, и оба они съ одинаковымъ правомъ могли-бы называться послѣднимъ названіемъ, ибо въ первомъ изъ нихъ „тениста“ изображается ея masse, а во второмъ только въ лицѣ „Васькина брата“, умоляющаго врача выпустить изъ сумасшедшаго дома этого самого Ваську, потому что онъ женатый „и ребятинокъ есть“, и еще потому, что „народу много, а работать некому“ и что „въ кузницѣ, почитай, уже два года огня не раздували“. Любопытно отмѣтить, что тамъ, гдѣ народное нещастіе проявляется въ массовомъ видѣ („Скорая помощь“, — крестьяне „откачиваютъ“ „утоплаго человѣка“ и совершенно живого человѣка закачиваютъ до смерти), такъ подоспѣваетъ „помощь“ извнѣ въ лицѣ благотворительной барыни, пріѣзжающей въ колескѣ и отдающей свои распоряженія черезъ приказчика (она стѣсняется наготы „утоплаго“). „Не снѣй качать! Растирать нужно!“ — раздается команда приказчика, и вотъ уже полуживого мужика трутъ и мнутъ до тѣхъ поръ, пока онъ благополучно не испускаетъ духъ. Тотъ иррациальный реализмъ, который въ послѣдствіи сказанъ въ „Мужикахъ“, уже виденъ тутъ въ полной своей силѣ: жалко и замученныхъ, но не менѣе жалко и мучителей, которые не видятъ, что творять.

Коллекція „маленькихъ“ городскихъ людей, фигурирующихъ въ маленькихъ рассказахъ г. Чехова, представляетъ богатую художественную галерею типовъ, которая одна могла-бы составить славу писателя. Все это живые люди, выхваченные изъ серого каменнаго мира, со всѣми своими горестями и печаля-

С.1.

ни. Есть тут и самокритика („Самый низкий и почтенный сила"), которому надо было быть самим и хочется быть богатым. Кончая сказать, что заутраит Святлаго Воскресения, онъ засыпаетъ и видитъ во снѣ осуществленіе своихъ идеаловъ, но тутъ же онъ разочаровывается въ нихъ, такъ какъ повсюду встрѣчаетъ сдѣленія условностей, которыми опутанъ богатый человѣкъ. Есть тутъ и „Умный дворникъ", который надумалъ читать книжку, но также раскаялся въ этомъ, такъ какъ едва по лишился книги и куса хлеба; и подвѣтка „Подвѣтка", которая не знаетъ, кого ей любить, — студента, котораго она любитъ, но боится вручить ему свою судьбу, или прикащикъ, который сулитъ ей прочное счастье; и цирюльникъ („Въ цирюльнѣ"), у котораго выпадаютъ изъ рукъ можнички подъ впечатлѣніемъ извѣстія объ обѣихъ родныхъ невесты; и другой цирюльникъ Михайло („Въ банѣ"), утѣшавшій обману на человѣка „въ идеин", что „народъ смущается", и къ ужасу своему узнающій въ „длинно-волосомъ" дьякона; или, наконецъ, гитарный парикмахеръ („Средство отъ вѣковъ"), вымывавшій кулаками „бѣса" изъ пылающаго артиста и отравляющійся новыми продуктами на стойкани. Мы отмѣчаемъ только нѣкоторыя черты этихъ героевъ, такъ какъ психологія ихъ, облеченная въ ироническія и пабавныя сцены, совершенно непередаваема. Нужно ли прибавлять, что похождения этихъ героевъ, ихъ жизнь, обстановка и социальный или душевный міръ не могутъ поселить нашего сердца.

Но поселю и въ другой міръ, на высшихъ ступеняхъ общественной дѣятельности и чѣмъ выше поднимается по ней, тѣмъ безотраднѣе и грустнѣе становится на душѣ: винау принажности, заботы, работа о кусѣ хлеба, о маленькомъ обезпеченіи и неизвестной будущности потомства, а вверху полочность и суетность существованія, порога на призраками счастья, пустота въ мысляхъ, пустота въ душѣ, какое-то глухое, вымороженное состояніе; все это — „длинно люди", изъ коихъ и не для чего ни кулаки, но все же цѣнно дѣлать

идеи за жизнь и потому-то страшно дорожатъ своимъ драгоцѣннымъ дарованіемъ, своимъ благомыслиемъ и своимъ удовольствіемъ и потому дѣлать къ другимъ, эгоистичныя, безразличныя, чуждыя, нелюбимыя и нелюбимыя, и по той-же причинѣ крайне жалкіе и сѣдые въ старическомъ изображеніи автора. Коллекція этихъ дѣятельныхъ, начиная съ коллежскаго регистратора и кончая статскимъ и тайнымъ совѣтниками, составляетъ третью группу типовъ, напичканныхъ большинствомъ рассказовъ. Наиболее характерныя и лучшія изъ нихъ: „Дѣлающій на чужбѣ", „Дѣла", „Сирена", „Что-то", „Ораторъ", „Тайна", „Дѣлочки", „Броженіе уюта", „Ночь передъ судомъ".

Въ этихъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ рассказахъ этого сборника, мы не видимъ автора или, вѣрнѣе, видимъ только его отрицательное отношеніе къ изображаемымъ явленіямъ, его скептицизмъ, уныніе и пессимизмъ, какое-то созерцаніе со стороны и трактованіе точно какихъ-то рѣдкостей. По этой причинѣ изображаемые лица и событія получаютъ объективное освѣщеніе и кажутся иногда мало цѣнными и сѣдыми болѣе того, чѣмъ они заслуживаютъ. Поэтому, быть можетъ, нѣкоторою изъ нихъ иногда не такъ трогать насъ, какъ это должно было бы быть, если бы авторъ относился съ болѣе теплой теплотой къ героямъ и печалю своихъ героевъ.

Во всякомъ случаѣ, каждый читатель, знакомый съ другими произведеніями г. Чехова, безъ затрудненія найдетъ и въ этихъ рассказахъ нѣкое дарованіе знаменитаго автора „Палаты № 6", а читая ихъ самъ по себѣ доставитъ ему большое удовольствіе, и большую пользу. Замѣщая тѣмъ, что этого писателя еще не издали, завершилась, а уже по одному этому маленькому рассказу мы можемъ судить, какихъ перловъ нужно ожидать отъ столь крупнаго художественнаго таланта.

Л. С.

Н. Г.